

МАРИНА СЕРОВА

СУМЕРКИ большого города

Сериал
"Частный детектив Татьяна Иванова"

Марина С. Серова
Ты отдашь все!
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=288032

Марина Серова. Сумерки большого города: Эксмо; Москва; 2010

ISBN 978-5-699-40524-4

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА ВТОРАЯ	24
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	62
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Марина Серова

Ты отдашь все!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Марина и Максим Заботкины сидели в кухне и ужинали. Эта семейная пара уже три года жила счастливо в законном браке. Пара была бездетная, но в скором времени они собирались обзавестись потомством.

Именно на это были направлены мысли семьи Заботкиных. Имелись в этом плане у Марины и Максима трудности, прежде всего, связанные со здоровьем, но, похоже, в ближайшее время проблемы эти должны были счастливо разрешиться.

– Марина, я купил тебе сок, он в сумке, – проговорил Максим.

– Спасибо! – просияла супруга. – А то меня так накрутили мои студенты, что я совсем забыла. Ты у меня просто золото!

И она, взяв висевшую на ручке двери сумку, вытащила из нее литровую коробку яблочного сока.

– Ты бы не очень-то обращала внимание на выходки своих студентов, – заметил Максим. – А то носишься с ними как с писаной торбой.

– Просто я их очень люблю! – с улыбкой ответила Марина.

– Вот только не понимаю, за что, – хмыкнул ее супруг, пожав плечами. – Сборище лоботрясов и бездельников, дурака валяют весь семестр и треплют тебе нервы, а перед сессией начинают усиленно подлизываться и замаливать грехи! Чем еще сильнее треплют нервы!

– Ладно тебе, – засмеялась Марина. – Я их прекрасно понимаю! Сами же мы с тобой были студентами! Ой, как будто только вчера!

– Только я, между прочим, закончил университет с красным дипломом! – поднял вверх указательный палец Максим. – Да и ты, помнится, за книжками до полуночи просиживала.

– Вот как раз потому, что днем у меня были более интересные дела, – парировала Марина и со вздохом добавила: – Юность – слишком чудесное время, чтобы тратить его на зубрежку скучных лекций. К тому же, молодость так быстро проходит...

В глазах Марины появилось сентиментальное выражение. Она задумалась и впала в легкую грусть. Максим завожился на стуле, так как он уже съел свой ужин и теперь хотел напомнить жене, что пора бы перейти к чаю. Но тут раздался звонок в дверь.

Позвонили дважды, причем гость очень четко выдержал длительность их звучания. Это означало – пришел человек знакомый, что называется, свой, и человек этот – педант. А это означало, в свою очередь – это не кто иной, как Сева

Гайворонский, старинный друг семьи Заботкиных.

Максим, который по природе своей отличался повышенным уровнем лени, скривил недовольную физиономию и остался сидеть на стуле. Нет, он был недоволен не тем, что явился Гайворонский, а лишь тем, что вот, нужно встать и открыть дверь. Поэтому дверь побежала открывать его энергичная половина, пышноволосяя Марина.

– Привет, – с улыбкой встретила она гостя.

В прихожую двухкомнатной квартиры Заботкиных вошел лысоватый человек лет тридцати пяти, с благородным лицом и несколько патетическими манерами. В руках он держал органайзер. Оглядев Марину слегка высокомерным взглядом, он положил органайзер на тумбочку и небрежно бросил:

– Здравствуйте, девушка!

– Сева, проходи! – радостно приветствовала его Марина. – Что это с тобой случилось? Для того чтобы ты приехал, нужно, чтобы произошло нечто невероятное.

– Оно и произошло, – с выражением удовлетворенности на лице ответил Сева, посмотрел на стоявшую в прихожей обувь и соорудил унылую физиономию. – Постылый опять дома... – резюмировал он и вздохнул. – Когда же мы с вами, Марина Анатольевна, сможем встретиться наедине?

Гайворонский давно домогался внимания со стороны Марины Заботкиной, пытаясь ее соблазнить. Делал он это, правда, без особого успеха, да и, надо сказать, без излишнего энтузиазма. Этот флирт между ними давно превратил-

ся в некую игру. Дело в том, что Марина и Всеволод познакомились несколько лет тому назад, и Гайворонский сразу проявил откровенный интерес к девушке, но... Марина не очень-то охотно отвечала на ухаживания импозантного кавалера, к тому же, Гайворонский был женат, что также не добавляло ему шансов в глазах Марины. А потом Всеволод познакомил ее со своим другом, Максимом Заботкиным, как он сам шутливо говорил, «на свою голову» – отношения новоявленных влюбленных развивались стремительно, и вскоре они уже стали официальными супругами. Но все это осталось в далеком прошлом и почти не вспоминалось.

– Но-но! – погрозила пальцем Марина. – Макс, меня тут Всеволод Олегович соблазняют...

– Здравствуйте, Макс, здравствуйте! – манерно поздоровался Гайворонский с преодолевшим наконец лень хозяином дома, который все же вышел в прихожую. – У меня для вас новость, ребята.

– Какая новость? – насторожилась эмоциональная Марина.

– Вы сейчас будете трепетать! – неожиданно повысил голос Гайворонский. – Вы сейчас будете трепетать, потому что Лева возвращается!

Всеволод сделал особый акцент на имени «Лева» и принял торжественную позу.

– Лева?

В этом коротком возгласе девушки отразился целых

спектр чувств. Вначале удивление, затем радость, а под конец в нем просквозили замешательство и некая растерянность. Она перевела взгляд своих зеленых глаз на мужа. Он не столь явно выразил свое отношение к этому известию, только неопределенно приподнял брови.

– Вот как? – сказал он. – И когда же? В семь сорок, должно быть?

И хозяин дома начал напевать народную одесскую песенку себе под нос. Сева же снял ботинки, аккуратно поставил их в угол и обратился к Максиму:

– Замолчите, юноша, у вас нет слуха! Вот Лева приедет, он вам всем покажет! Он вас построит, всех. А я его еще и накручу. Я ему все расскажу, что вы о нем говорили.

– А что мы такое говорили? Что он уже достал всех своим злым юмором? Так об этом и так все знают, мы и ему в глаза не раз говорили, что побольше теплоты и открытости к людям ему бы проявить совсем не помешало, – заметил Максим.

– Ладно-ладно, – махнул рукой Гайворонский. – Оправдывайтесь теперь перед Левой!

– Почему это мы должны оправдываться! – отмахнулась Марина. – Ой, хватит страшать нас своим Левой. Идем-ка лучше чай пить, мы как раз только что поужинали.

– Понятно, меня не дождались, – притворно вздохнул Гайворонский. – Чего еще ждать от вашей семейки!

Он прошел и уселся на лучшее место, на единственный

мягкий стул в этом доме. Марина и Максим расселись по своим местам, и Заботкина пододвинула Всеволоду стакан с чаем.

– И почему это мы – евреи? – допивая свой чай, сказала она. – Сколько можно сваливать с больной головы на здоровую!

– А вы посмотрите на своего супруга! Это же вылитый славянский патриот! Вы взгляните на его «рязанскую физиономию!» – с пафосом, иронично проговорил Гайворонский. – Просто Есенин! Белокурая бестия! Наизнанку!

Лицо Максима Заботкина отнюдь не являлось образцом славянского антропологического типа. При желании его можно было бы назвать французом, итальянцем, а включив обостренную фантазию – арабом или турком. У него были миндалевидные карие глаза с длинными загнутыми ресницами, тонкий с горбинкой нос, продолговатое смуглое лицо и черные волнистые волосы. Мать Заботкина умерла давно, воспитывали его бабушка и дедушка. И после их смерти он среди старых бумаг нашел свидетельство тому, что его мать была зачата в грехе, в конце тридцатых годов, и отцом ее был совсем не его умерший недавно дедушка, Иван Павлович, а лихой испанский анархист Максимио Санчес, сбежавший в Россию после установления на его родине диктатуры Франко. Отсюда, собственно, и росли корни некоего южного «аромата» во внешности переводчика Максима Заботкина, работавшего в одной из туристических фирм. Переводил,

кстати, Максим с испанского и французского – сказывались все-таки, видимо, гены.

Гайворонский же предпочитал видеть в Заботкине еврея, потому что сам для себя он решил этот вопрос уже давно. И, будучи консерватором по натуре, он не был склонен менять свое мнение. Всеволод Олегович работал директором местного краеведческого музея, страдал славянофильством, идеализировал царскую Россию, а также, подобно многим русским интеллигентам, обостренно воспринимал еврейский вопрос.

В данной компании было принято подшучивать над веселой безобидной парой Заботкиных, не имевших в своих жилах ни капли еврейской крови. Усугубился этот вопрос после того, как Максим женился на Марине, чернобровой уроженке Дона, которую вся компания тоже радостно записала в «дочь Сиона». Марина, хоть и обладала светло-зеленым цветом глаз, а такой смуглости, как у супруга, в лице ее не наблюдалось, тоже была брюнеткой, к тому же, волосы ее вились. Особую пикантность ситуации придавал тот факт, что пресловутый Лева Марков, также давний друг как Заботкина, так и Гайворонского, по матери был чистокровным евреем, и на этом основании несколько лет тому назад он эмигрировал в Германию. Но, в принципе, этот момент был не так уж и важен. Определяющим было другое – приезд Маркова в Россию грозил семье Заботкиных некими финансовыми осложнениями. И именно об этом и думали сейчас Максим

и Марина.

– Он насовсем, что ли? – уточнил Максим.

– Ну да, насовсем, – проворчал Сева, насыпая в стакан уже шестую ложку сахара.

Директор краеведческого музея вообще был склонен к театральности. Он с удовольствием играл в быту в различные игры. Сюда относились как флирт с Мариной, подтрунивания над ней и ее мужем, вознесение персоны Левы Маркова на некий пьедестал «священности», так и постоянные намеки на скупость «еврейской семейки». Он всякий раз усердно смаковал эти темы и старался всем, чем мог, подчеркнуть все это. Отсюда и его замечание насчет ужина, и шесть-семь ложек сахара в чае. Максим посматривал на эти кривляния, посмеиваясь, а вот Марина, обвинять которую в скупости было бы совсем уже несправедливо, немного обижалась. Она всегда старалась угостить друзей чем могла, а Всеволода в этом смысле она порой даже баловала. Но Гайворонский все равно всякий раз с маниакальной настойчивостью, по инерции, нападал на Заботкиных, а те, давно привыкшие к его манерам, также по инерции отбивались.

– И что он здесь забыл? – прихлебывая чай с вареньем, спросил Заботкин. – Я имею в виду господина Льва Маркова.

Гайворонский бросил взгляд на вазочку и бухнул себе в чай еще и варенье. Хотя и Максим, и Марина прекрасно знали, что вообще-то он предпочитает несладкий чай. Максим только хмыкнул и сочувственно покачал головой, а Марина

демонстративно выставила на стол целую банку.

– Работать он здесь будет! – гордо вздернув голову, заявил Гайворонский.

– А почему ему в Германии не работается? – продолжал Максим.

Сева изобразил на лице некую таинственность и вместо ответа спросил:

– А вы уже трепещете?

– Да что нам трепетать-то! – не выдержала Марина. – Говоришь, словно мы преступники какие-то! Это совсем не остроумно! Хватит уже твоих дурацких шуточек, надоело! Тоже мне, комик!

– Я просто хотел вас подготовить, – смущенно ответил Гайворонский и скромно отпил из стакана свой сироп. – Я же знаю, что вы не любите Леву!

Так было всегда. Сева осыпал Заботкиных неприятными, несправедливыми шуточками и держался с ними напыщенно, но когда Марина вот так прикрикивала на него, он моментально делался тихим и послушным. После этого с ним уже можно было говорить серьезно и спокойно. Хотя и это, скорее, входило в «комплект» его театральности.

– Да разве в этом дело, – вздохнула Марина. – За что нам его не любить? Тут другое... А ты как будто не знаешь о наших проблемах, – упрекнула она Гайворонского, продолжавшего виновато прятать глаза.

Максим, подпрыгивая одной ногой, положенной на другую,

продолжал «допрос»:

– А жить он где собирается? К Лиманской, наверное, пойдет в приживалы?

Тут Сева принял негодующий вид.

– К этой недостойной женщине? – презрительно скривил он губы. – Лева скорее удавится!

– Ну в общем-то, это, наверное, правильно, – согласился Заботкин. – Так все же, где он жить-то намерен?

– Он квартиру себе купит, – гордо ответил Гайворонский, так, словно это он сам сумел заработать кучу денег на новую квартиру.

– Удивительное дело, – проговорил Максим. – Человек уехал в Германию на ПМЖ – и вдруг возвращается в нашу дыру, собирается покупать квартиру и оставаться здесь работать! Смех, да и только! Разве он уезжал туда только для того, чтобы заработать на квартиру? Там он ее и так должен был получить.

– Не все так просто, юноша, – снисходительно пояснил Гайворонский. – Там Лева кто? Простой таксист. А он кандидат наук, между прочим!

– Так мы тут все почти что кандидаты, – недоуменно пожала плечами Марина.

– Вы – «почти», а Лева – кандидат, – упрямо повторил Всеволод Олегович.

Заботкин хмыкнул. А его жена, не выдержав, заметила:

– Понятное дело, с его специальностью в Германии вряд

ли найдешь работу по профессии! Он же это знал прекрасно, когда уезжал. Историк, который в свое время защитил диссертацию на тему «Историческое значение двадцать шестого съезда КПСС», наверное, там не нужен.

Сева смущенно и несколько виновато опустил голову. Пряча глаза, он заявил куда-то в сторону:

– Мне он все равно нравится!

После этого расхохотались все, и даже сам Сева заулыбался. И, тем не менее, он продолжил:

– Лева замечательный! Он добрый и наивный! Он деньги заработал! Приедет, квартиру купит! А если вы еще ему долг отдадите, то и машину.

– Неужели в Германии он до сих пор не купил себе машину? – удивился Максим.

– Купил! – оскорбился за Леву Гайворонский. – Но это – для немецких дорог машина. Ему здесь наша нужна, отечественная. К тому же, для нее и запчасти дешевле.

– А еще нас евреями обзывает! – всплеснув руками, засмеялась Марина, однако на ее лице появилось выражение некой тревоги и озабоченности.

– И когда он приезжает? – спросил Максим.

– Восьмого будет в Москве, – придвигая к Марине пустой стакан и намекая, что неплохо бы «повторить», ответил Сева.

Пока Марина ходила в кухню за чайником, Сева наклонился к Максиму и, приняв чрезвычайно озабоченный вид,

спросил:

– Как у нее дела-то?

Максим, сразу поняв, что именно Гайворонский имеет в виду, покосился на дверь и ответил:

– Скоро все определится.

– Но как и что определится? – не отставал Сева.

– Да вроде нормально все. Врач говорит, что лечение прошло успешно, нужно показаться ему еще раз, – не очень охотно поведал Максим, глядя на стол и вертя в руках зажигалку. – А потом она будет наблюдаться уже здесь, в местной клинике.

Сева понимающе кивнул головой.

– А настроение как? И самочувствие?

– Да не жалуется больше. И плакать, слава богу, перестала по этому поводу. Наоборот, смеется все время.

– Да, Марина Анатольевна – эмоциональная женщина, – с видом знатока произнес Гайворонский.

– Ты только при ней не заводи об этом, ладно? А то она, не дай бог, снова расстроится.

– Понял, – кивнул Сева. – Макс, вы же знаете, Сева – воспитанный человек!

В это время в комнату вернулась Марина. Она поставила на стол поднос с тремя стаканами и пододвинула Севе сахарницу. Гайворонскому, очевидно, надоело притворяться и с отвращением хлебать переслащенный чай, и он не стал сыпать в него сахар.

– Он поездом придет? – бросив в рот конфетку, спросила Марина.

– Самолетом! – отрезал Сева. – Они, правда, сейчас падают часто. Я опасаюсь за Леву.

– Господи, ты о нем говоришь, как о любимой женщине, – улыбнулась Заботкина.

Гайворонский, не обратив внимания на последнее замечание Марины, вынул из кармана старинные часы на цепочке.

– Так, через шесть минут я уйду. У меня злая супруга.

– Да мы знаем, – хмыкнула Марина и выразительно посмотрела на Гайворонского.

Сева смущенно закашлялся:

– Вот вы знаете, Марина Анатольевна, что это печаль всей моей жизни, мой крест, и нарочно язвите.

– Да я ничего такого не сказала, – развела руками Марина. – Это ты весь вечер пытался язвить на наш счет, Левой нас пугал.

– Так я просто хотел вас развеселить немного.

– Да уж, развеселил, – усмехнулся Максим.

– Так, мне пора, – поднялся Всеволод и походкой старого израненного солдата промаршировал в прихожую.

Максим взял в руки его органайзер и собирался уже подать его владельцу, как вдруг Гайворонский картинно выхватил его с выражением ужаса на лице.

– Это же мой органайзер! – широко раскрыв глаза, провозгласил он. – Это мой органайзер, вам не удастся его при-

своить! Мне его Лева подарил.

– Ой, ну все! – не выдержала Марина. – Совсем ты чокнутый какой-то стал. Тошнит уже от твоих дурачеств.

– Я уже ухожу, – хмуро бросил ей Гайворонский. И, уже выйдя на лестничную клетку, он совсем другим тоном попрощался: – До свидания, ребята. Рад буду видеть вас у себя. Спасибо за чай.

Незлопамятная Марина помахала Гайворонскому рукой. Максим же, едва только за Всеволодом закрылась дверь, покачал головой.

– С Севой что-то происходит. С головой, в смысле.

– Вот-вот, мне тоже его психическое состояние внушает опасения, – поддержала его Марина и пошла в кухню, мыть посуду.

Максим отправился за ней и, сев на табуретку, закурил и продолжил:

– Непосвященные люди, слыша его разглагольствования насчет Маркова и фразы типа: «Я люблю Леву», вообще могут решить, что он сменил ориентацию. У меня, кстати, Дима Тугов уже спрашивал, не того ли он?

– Ну, Тугов вообще известный дуб и солдафон! – отреагировала жена Максима. – Хотя, если так пойдет дальше, знакомство с Севой может начать нас компрометировать в глазах общественности, – хохотнула она.

– Будем надеяться, что до этого не дойдет.

– И все же, непонятно мне, почему Сева так лебезит перед

Марковым? Ведь Лева, насколько я помню, как-то снисходительно всегда к Севе относился. Марков вообще не очень-то приятный в общении человек, а Сева прощает ему все грехи. И потом, у Маркова же не едет крыша! Он всегда оставался сухим, прагматичным человеком.

– Наверное, это тоже можно объяснить, – пожал плечами Максим. – Сева живет в каком-то своем мире, варится в нем, спасаясь таким образом от скуки и серости жизни. Вот и придумывает себе этот театр, развлекается.

– Только вот нам с тобой теперь не до развлечений, – вздохнула Марина и, допив последний стакан, вытерла руки и подошла к мужу. Обняв его, она спросила: – Что же мы делать-то будем, Максим? Деньги ведь нужно отдать... Я не думала, что Лева вернется. А раз там у него дела не пошли, значит, он потребует вернуть долг как можно быстрее.

– И не «как можно быстрее», а сразу же! Ты же знаешь его характер и его способность – производить своим языком массу звуков в единицу времени! Разорется, всем друзьям наплетничает, какие Заботкины подлецы, наплетет, что мы его обманули, на его деньги квартиру себе купили, три машины, и все представит так, словно мы специально решили его кинуть. А нам потом объяснять, что мы не верблюды. Ты же знаешь, что у него дар убеждения. Мне он, к примеру, скажет, что ты ему по секрету сообщила, что я стал полным сексуальным ничтожеством, а тебе – что у меня есть любовница!

– Блин, вот же принесла его нелегкая! – воскликнула Марина. – Что ему стоило задержаться там месяца на четыре, хотя бы? За это время можно было бы что-то придумать...

– Ладно, идем спать, – зевнул Максим, поднимаясь и направляясь вместе с женой в спальню. – Есть у меня один вариант, но очень уж крайний. Не хотелось бы мне к нему прибегать...

– Это ты о чем? – расстилая постель, спросила Марина.

– Долго объяснять, к тому же, мне совсем этого не хочется. Завтра расскажу.

Максим еще раз зевнул, лениво разделся, кое-как покидав на стул одежду, и лег в постель. Марина же, озабоченно покачивая головой, стала аккуратно раскладывать вещи мужа. Раздевшись, она тоже залезла под одеяло, с досадой отметив, что Максим уже захрапел.

* * *

На Всеволоде Гайворонском не было лица. Открывшая ему дверь Марина даже испугалась, решив, что у Всеволода произошло что-то кошмарное.

– Что случилось? – нахмутив брови, спросила она. – Проходи скорее.

Гайворонский, не ответив ей, долго разувался в прихожей, потом он направился в ванную мыть руки, так что, когда он прошел в комнату и со скорбным выражением лица опустил-

ся на диван, Марина уже потеряла всякое терпение. Подсев к нему, она толкнула Гайворонского в бок и повторила уже громче:

– Что случилось?

Гайворонский выдержал трагическую паузу, после чего тихо произнес:

– Лева пропал!

– Как пропал? Ну, я поняла, что он не приехал, поскольку не заявил о себе, но думала, что он просто задержался в Москве.

– Он вообще пропал, – Гайворонский проговорил это так, словно рухнул мир. – Его нет ни в Москве, ни здесь. И никто не знает, что с ним!

– Подожди... Откуда ты все это знаешь?

– Он мне звонил из Германии, накануне. Говорил, что восьмого будет в Москве, а десятого – здесь. Сегодня уже двенадцатое! Двенадцатое! – подняв палец, подчеркнул он.

– Может быть, он просто загулял? – предположил Максим. – Деньги есть, на родину вернулся. Подснял москвичку какую-нибудь и кувыркается с ней, пока ты тут убиваешься.

– Лева – серьезный человек! Серьезный человек! – с негодованием отверг эту версию Гайворонский.

– Ну может быть, он по делам задержался, – решила успокоить его Марина, досадливо махнув рукой мужу. – Погоди раньше времени в панику впадать. Ребенок он маленький, что ли? С чего ты взял, что с ним случилось что-то плохое?

– Я чувствую это! – подняв палец, напыщенно заявил Сева. – Вы не понимаете этого, вы, вульгарные материалисты, погрязшие в своих мелких бытовых проблемах. А у нас слевой – астральная связь. Я помню, когда ему стало плохо с животом, я сразу это почувствовал. Сразу же!

– Вы, видимо, из одной кастрюли перед этим поели, поэтому ты и почувствовал, – засмеялся Максим.

– Ладно, ладно, смейтесь над Севой, смейтесь! Грешно смеяться над Севой.

– Да уж, смеяться над больными людьми всегда считалось неприличным, – сказала Марина.

– Я не собираюсь выслушивать ваши гнусные и совершенно абсурдные инсинуации о моем здоровье, – как-то нервно сказал Сева. – Я лишь оповещаю вас, что завтра собираюсь заявить в милицию об исчезновении Левы!

Марина вздохнула и обменялась взглядом с супругом, который скептически покрутил пальцем у виска. Всеволод не заметил этого жеста и продолжал:

– Я звонил в справочную, чтобы узнать, прилетел ли он в Москву, но мне не дали такой информации. Тогда я позвонил в Германию, и его мамахен сообщила мне, что самолет вылетел. Более того, Лева, как примерный сын, отзвонился ей из Шереметьева и сказал, что приземлился нормально. То есть, он прилетел, это факт! Надо позвонить его беглой жене.

– Лиманской? – переспросил Максим.

Всеволод нахмурился и взял телефон. Через полминуты

ему ответили, и он произнес:

– Лариса? Шалом, это Всеволод... Новости есть?

Он слушал ее примерно полминуты. В трубке звенел тонкий голос Ларисы Лиманской, первой и пока что единственной жены Льва Маркова. Гайворонский всегда называл ее «беглой» и в глубине души презирал Лару, но никогда не подавал виду, а иногда даже и лебезил перед ней.

– Понял... Понял... Понял, – монотонно, безрадостно кивал он. – Все понял. Ну пока... Я перезвоню часов через пять. Марина вздохнула.

Повесив трубку, Гайворонский повернулся к Заботкиным и выдал:

– Понятно, вы-то радуетесь, что Лева пропал! Вы ему деньги должны.

– Что ты говоришь! – у Марины вытянулось лицо. – Сева, имей меру, в конце концов! – Вдруг она схватила за живот.

– Что такое? – встревоженно спросил Максим, подбежав к жене.

– Живот болит... Сильно очень...

– Приляг скорее! Тебе же нельзя нервничать! – Максим поднял жену на руки и положил ее на диван. Затем он повернулся к Севе и сухо произнес: – Если у вас, Всеволод Олегович, все, то я буду весьма рад избавиться от вашего присутствия!

– Это у вас не выйдет, – мрачно пообещал Гайворонский, поднимаясь со стула. – Я завтра в милицию пойду!

Марина, простонала с дивана:

– Тебя оттуда прямиком отправят в психушку! И, может быть, для тебя это самое подходящее место! По крайней мере, не будешь больше нормальным людям нервы портить.

Гайворонский встал и, открыв дверь, бросил на прощание Максиму:

– Сушите сухари, юноша! Вместе с супругой.

И тут, всегда спокойный Максим заорал:

– Да пошел ты знаешь куда! – и захлопнул за Севой дверь.

Максим перевел дыхание, вернулся в комнату, подошел к жене и спросил:

– Ну, как ты?

– Да ничего, получше. Я полежу немного. Помоешь посуду?

– Я тебе советую не принимать близко к сердцу слова этого параноика, – погладил ее по голове Максим и пошел в кухню.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Капитан милиции Гарик Папазян ехал по городу в весьма благодушном настроении. Сегодня с утра все складывалось просто прекрасно! Вернее, началось это еще вчера вечером, когда к Гарику, возвращавшемуся с работы, подседа в машину симпатичная шатенка с аппетитной фигуркой. Она очень благосклонно отнеслась к комплиментам Гарика, которыми он, распушив хвост, буквально осыпал девушку, приняла приглашение отправиться вместе в ресторан и даже оставила ему свой номер телефона. Выпорхнув из машины, девушка прощebetала Гарику слова благодарности и послала на прощание воздушный поцелуй. Папазян растаял!

О девушке он думал весь вечер, она являлась ему в ночных грезах, и с мечтаний о ней начался его сегодняшний день. Папазян уже прикидывал, как бы пережить рабочий день, прокручивал в голове варианты, куда можно пригласить девушку на вечер. На ночь, разумеется, он планировал привести ее к себе домой. Девушку звали Алиса.

Погода тоже порадовала в этот день Гарика. Было солнечно, для середины марта – очень тепло, а шумно бурлившие ручьи словно бы говорили, что скоро жители города на Волге надолго забудут, что такое снег и морозы.

«Поедем с Алиской на пляж! – мечтательно подумал Гарик, рисуя в голове соблазнительные формы девушки в

купальнике. – А лучше на турбазу, на недельку-другую... Отдельный двухместный домик... наберем с собой раков, пивка холодненького, коктейльчики-мороженое... Красота! Только заявление на отпуск нужно поскорее написать, заранее, а то провороню – и придется в ноябре перед телевизором отдыхать, на слякоть осеннюю за окном смотреть да портвейном запивать... Много шустрых вокруг, сержанты, вон, сопливые, служат без году неделя, а заявление нороят первыми подсунуть!»

Жизнь казалась Гарику прекрасной и удивительной, и все, абсолютно все – реальным и возможным. А он сам – настоящий орел, которому подвластно это «все». Улыбаясь, Гарик прикрыл глаза и чуть не пролетел на красный свет светофора. Резко затормозив, он покачал головой и нахмурился, заметив, как что-то мрачно ворчит в его сторону пожилой водитель красной «шестерки». «Наверное, мужик от язвы желудка страдает, – подумал Папазян, – у них всегда лица кислые, будто они незрелый кизил проглотили».

Он пожалел, что на нем не новенькая форма с капитанскими погонами, а обычная гражданская одежда. Но зато в этом были и свои преимущества: вечером не нужно заезжать домой, чтобы переодеться, можно сразу отправляться за Алисой. Водитель-мизантроп мигом выветрился из головы Папазяна, и его место вновь заняла красавица шатенка.

Гарик почувствовал, что уже соскучился по ней. Ему захотелось услышать ее кокетливый нежный голос, вспомнить

очаровательный пухлый ротик и вообще, договориться сразу, что вечером они идут в «Камертон». Гарик потянулся к своему сотовому, влез в телефонный справочник, где длинной вереницей тянулся список женских имен, вмиг потерявших для него все свое значение. Сейчас для него важно было только одно имя – Алиса, и Гарик в предвкушении нажал кнопку вызова и с мечтательной улыбкой прикрыл глаза...

– Да! – рявкнул ему в ухо хриплый баритон, и Гарик от неожиданности крутанул руль, едва не вылетев на тротуар.

– Э-э-э... – глупо протянул он.

– Кто это? Кого надо?

– Э-э-э... Простите, пожалуйста, я, кажется, ошибся, – пробормотал Гарик и быстро отключился.

Пару минут он ехал, приходя в себя от неожиданности, и в конце концов успокоился. «Наверное, со связью какие-то проблемы», – решил он и снова попытал счастья.

– Ну-у? – с плохо скрываемой угрозой и сарказмом прозвучал все тот же неприятливый баритон.

– Простите, а... могу я услышать Алису?

– А ты ей кто будешь? – голос отнюдь не преисполнился вежливости и дружелюбия.

– Я? Ну, я... как бы это сказать... Знакомый, – выдавил Гарик. – А вы кто?

– Я-то? – усмехнулся голос. – Я-то – муж ее законный! А ты иди дальше знакомься, знакомый! Только поосторожнее будь, уж прими добрый совет. И забудь этот номер, ясно?

Еще раз позвонишь – я на тебя за телефонный терроризм заявление напишу!

В трубке запикали гудки. Ошеломленный Гарик поехал дальше в полной прострации. Он никак не мог поверить в такое вероломство, коварство и легкомыслие своей новой знакомой, которую он уже как бы считал своей возлюбленной.

Настроение у Гарика сразу упало. Взгляд стал даже угрюмее, чем у водителя-язвенника. Он понял, что не только вечерние, но и долгосрочные его планы летят к чертовой матери, что сегодняшний день будет тянуться до-олго и в итоге все окажется еще хуже, потому что он лишился намеченного на вечер утешительного приза. Гарик замешкался, снова чуть не пропустил сигнал светофора и в сердцах выругался, стукнув по ни в чем не повинному рулю:

– Да наплевать, в конце концов! Вон, сколько нормальных девушек на улице!

По звонкой весенней мостовой и впрямь в огромном множестве ходили нормальные девушки. Они, словно разбуженные ярким солнышком, оживились, преобразились после зимней хмари и теперь, стремясь наверстать упущенное время, старались продемонстрировать самые привлекательные черты своей внешности: распустили волосы, сменили тяжелые шубки и дубленки на приталенные пальтишки и короткие курточки, открывающие туго обтянутые джинсами бедра, соблазнительно покачивающиеся в такт походке...

Папазян приспустил окошко. Он периодически выгляды-

вал в него и умиротворенно жмурился. Настроение его постепенно улучшалось, он уже не считал жизнь тяжелым разочарованием и с удовольствием разглядывал этих красоток.

Проезжая по центральной части города, он заметил идущую по тротуару молодую женщину, привлечшую его внимание. Это была невысокая, стройная брюнетка с длинными вьющимися волосами. Она была в белом пальто с пояском на талии и в таких же ярко-белых сапожках. Голова ее была непокрыта, и Папазян невольно залюбовался ее пышными волосами, доходившими до середины спины.

Папазян, так бессовестно обманутый сегодня в лучших своих чувствах, не смог устоять. Он решил взять реванш! Девушка уже собиралась свернуть на другую улицу, и это подтолкнуло Гарика к действиям. Высунувшись из машины, он крикнул:

– Девушка, подождите минутку!

Она обернулась, Гарик – для усиления впечатления – вышел из машины.

– Разрешите, я вам помогу, – с улыбкой сказал он, беря у нее из рук тяжелый полиэтиленовый пакет с продуктами.

– О, благодарю вас, – несколько удивленно, однако без тени подозрения или испуга ответила девушка.

– Давайте я вас довезу. Вы домой идете?

– Да, домой, – откидывая волнистую прядку волос со лба, просто ответила она. – Только мне не совсем удобно вас напрягать. Домой далековато добираться, а денег на машину у

меня, наверное, не хватит.

– О чем вы говорите! – перебил ее Папазян, подхватывая под локоток. – Для меня это совершенно не трудно, я бы чувствовал себя потом гораздо хуже, если бы отказался помочь такой очаровательной женщине. Вас, простите, как зовут?

– Марина, – ответила девушка, с улыбкой глядя Папазяну в глаза.

– А меня Георгий! Георгиевич, – для пущей солидности добавил он.

Папазян подвел девушку к машине и усадил ее на переднее сиденье, рядом с собой, положив ее пакет сзади.

Теперь он рассмотрел ее получше. И сейчас уже Папазяна привлекли даже не ее фигура и яркая сексуальность, а выражение ее больших зеленых глаз. В них было что-то очень грустное и трогательное.

– Вам куда?

– В сторону Политехнического института, – махнула Марина рукой.

– Почему вы такая печальная, Марина? – трогаясь с места, обратился к ней Гарик.

Девушка подавила вздох.

– Да так... – неохотно ответила она. – В последнее время много всяких проблем навалилось. Почему-то все беды обычно приходят разом.

– Да, это так, – согласился Папазян. – И женщины всегда тяжело их переживают. Но ведь для того и существуют на-

стоящие мужчины, способные решать эти проблемы?

Папазян явно намекал на себя, но Марина, восприняв его вопрос по-своему, сказала:

– Сейчас это невозможно.

– Материальные трудности? – понимающе продолжил Папазян. – Или что-то иное?

– Почему-то мужчины сразу все переводят на деньги, – скривилась Марина. – А не все ведь ими определяется.

– Вы правы, – согласился Гарик. – Только вот насчет мужчин вы ошибаетесь. Мы бы были рады вообще не заикаться о деньгах, но женщины сами нас вынуждают. Это они все переводят на деньги. Это они выбирают партнеров, в основном, по принципу кошелька!

– Женщины бывают разные, – глядя в окно, заметила Марина. – Впрочем, как и мужчины. Каждый человек – индивидуален.

Папазян согласно кивнул и решился на обгон, на всякий случай ударив тыльной стороной ладони по кнопке sireны. Ехавшая по правой стороне дороги «восьмерка» испуганно прижалась к бордюру. К Гарику сразу вернулась былая уверенность, он вспомнил, что, вообще-то, он – капитан милиции и на дороге привык чувствовать себя по-хозяйски.

– Так почему же вы грустите, Марина? – продолжал он. – Посмотрите, какая чудесная погода! Весна-красна! Как там у Пушкина? «Ласточка с весною в сени к нам летит»!

– Это не Пушкин, – заметила Марина.

– Да? – безмерно удивился Гарик. – А кто же?

– Это Плещеев, – усмехнулась Марина, и Папазян заметил некий скепсис в ее голосе, но решил не сдаваться.

– Правда? – ничуть не смутился он. – Ну и пусть будет Плещеев! Главное, что стихи хорошие! А у меня настроение прекрасное. Вот, вас встретил, так оно и еще поднялось. Потому что хорошая вы девушка, сразу видно! Правда, с проблемами, о которых вы не хотите говорить.

Для Гарика сейчас все было хорошим и прекрасным, даже с перебором. Он заболтался, вновь проморгал сигнал светофора, и, чтобы не врезаться в затормозившую перед ним машину, резко нажал на педаль. Машина дернулась, девушку по инерции бросило вперед.

– Извиняюсь, – сказал Папазян. – Вот видите, как я на вас загляделся, чуть было не врезался.

– Да уж, – неодобрительно проговорила Марина.

На лице ее вдруг появилась болезненная гримаса.

– Вам плохо? – озабоченно склонился к ней Папазян.

– Да. Извините, нельзя ли окошко открыть?

– Почему же нельзя? Нажмите на кнопку, оно и откроется. Тут все автоматизировано, – с гордостью за свой автомобиль произнес Гарик.

Он обратил внимание, что, несмотря на проникшую в салон струю свежего воздуха, лицо девушки покрылось тусклой бледностью. На лбу ее выступили капельки пота.

– Да что с вами такое? – забеспокоился Папазян и решил

притормозить у тротуара. – Вы не больны?

– Нет... – набирая в легкие воздух и делая паузы между словами, проговорила Марина. – Я беременна...

У Гарика вытянулось лицо. Второй такой удар судьбы за один день он выдержать был уже не в состоянии! Она, злодейка, словно издевалась, смеялась над ним, заманивая в свои сети, а потом хохотала до упаду язвительным смехом. Но Гарик, собрав волю в кулак, решил не расслабляться, не сдаваться и не ронять свое достоинство.

– Так бы сразу и сказали, – после некоторой паузы ото-звался он. – Может быть, помедленнее поедем?

– Мне бы... минеральной воды, – выдавила Марина. – Или соку... кислого. Лимон тоже можно.

Гарик полез в бардачок, но там валялась лишь начатая пластиковая бутылка кока-колы, которую он не решился предложить девушке. Он огляделся по сторонам.

– О! – Гарик показалось, что выход найден. – Давайте остановимся, вон, кафе совсем рядом. Там обязательно найдется что-нибудь подходящее. Я помогу вам выйти.

– Мне бы лучше домой, наверное, – неуверенно проговорила Марина.

– До вашего дома еще не близко, – покачал головой Гарик. – Все равно, придется нам сделать остановку. Ничего, зайдем, посидим, вам наверняка станет лучше.

– А потом вы меня отвезете? – простодушно спросила Марина.

Честно говоря, у Гарика были другие планы. Сейчас он уже не думал о побудительных мотивах, заставивших его познакомиться с девушкой по имени Марина и уговорить ее сесть в его машину. Он узнал, что она беременна и, следовательно, с ней невозможен никакой роман. И, вообще-то, он собирался после посещения кафе посадить ее в такси, а самому отправиться-таки на работу. Но, стараясь не ударить в грязь лицом и не испортить имидж, он продолжал играть роль галантного кавалера.

– Непременно отвезу, о чем разговор, – небрежно кивнул он, подавая девушке руку.

Они пошли к кафе, и Гарик распахнул дверь, пропуская Марину вперед. Войдя следом, он огляделся, и в глазах его сначала вспыхнула радость, затем что-то похожее на испуг, потом растерянность, а потом... Потом Гарик как-то обреченно махнул рукой, взял за локоток свою спутницу и подвел ее к одному из столиков.

– Привет, Таня-джан, – с улыбкой проговорил он. – У тебя свободно?

* * *

«Журчат ручьи – та-та-та-та!» – мотив этой незатейливой песенки из старого фильма «Весна» сегодня с самого утра вертелся у меня в голове. Солнце за окном сияло так ярко, что казалось, будто сейчас не середина марта, а, по мень-

шей мере, конец апреля. Ручьи и впрямь журчали, звенели, с непреодолимой силой смывая все хмурое и серое, что успело накопиться в природе за долгие зимние месяцы, включая и депрессивное настроение. Собственно, мне всякие модные в последнее время депрессии и прочие популярные штучки были вовсе не свойственны: во-первых, я человек по натуре оптимистичный и позитивный, а во-вторых, по собственному опыту я прекрасно знаю, что все эти депрессии чаще всего возникают от безделья и великолепно лечатся работой. Особенно той, которая доставляет удовольствие. А мне в этом смысле повезло: свою работу я считаю не просто любимой, а единственно возможной для себя. И пусть мне хоть миллион раз повторят, что частный детектив – профессия не для молодой хрупкой женщины, у меня на этот счет есть свое непоколебимое мнение.

Я отдала этой профессии достаточно лет своей жизни и еще ни разу всерьез не пожалела о том, что выбрала именно ее. Я не представляю себе работы с девяти до шести часов в душном офисе, я люблю сама планировать свой день. И порой случается, что его приходится перекраивать по несколько раз по не зависящим от меня причинам, но это совершенно не умаляет силы моей любви к работе. Я очень люблю «сезон» расследования – непредсказуемое, интересное и порою опасное время. Но не меньше я люблю и передышки, когда дело благополучно завершено, и я с чистой совестью могу расслабиться на несколько дней и ни о чем не думать.

Сейчас был именно такой период, и я, решив насладиться им в полной мере, как и дивной погодой, отправилась прогуляться по Набережной.

Снег, конечно, не сошел, для этого было еще слишком рано, но Волга все равно преобразилась. Чувствовалось, что ей не терпится скинуть с себя толстый покров зимнего наряда из снега и льда, вздохнуть, наконец, и легко, полноводно, воспрянув духом, покатить свои бурные волны величаво и свободно к далекому морю.

Я купила мороженое в яркой обертке и пошла к мосту, наблюдая за тем, как на асфальтированные дорожки набережной высыпали жители Тарасова самых разных возрастов: от маленьких детей в колясочках и детей постарше, с мамами и без, с хохотом гонявшихся друг за другом, до людей весьма почтенного возраста, двигавшихся чинно, не спеша.

Пройдя всю Набережную, я почувствовала, что проголодалась, и завернула в одно из своих любимых кафе, которое я обязательно посещаю во время своих прогулок по берегу Волги.

Народу там было довольно много, но все-таки и свободные места нашлись. Я присела за столик у окна, заказав весенний салат и антрекот с грибами. И было мне так хорошо в одиночестве, и я уже представляла, как сейчас поеду домой, открою форточку и устроюсь на диване с каким-нибудь журнальчиком, с книгой или просто с плеером и порадуюсь тому, что живу одна и могу заниматься, чем душа пожелает. А

душа моя желала праздного безделья, и никакая депрессия ей не грозила, так как настроение мое было отличным.

Я даже решила погадать на своих любимых двенадцатигранных костях, которые не раз помогали мне как в расследованиях, так и в решении житейских вопросов. Хотя, сейчас никакие вопросы меня не волновали, все-таки я решила убедиться, что и дальше у меня все будет ровно и гладко.

Я достала коричневый замшевый мешочек и бросила кости на салфетку.

8+18+27 – «Существует опасность обмануться в своих ожиданиях», – выдали кости свое пророчество, я сразу пожалела о том, что достала их.

Ведь как все было хорошо и спокойно, а теперь – вот такая досада! И почему мне смирно не сиделось?

Я уже хотела достать кошелек и расплатиться, как вдруг заметила спускавшегося по лестнице мужчину. Его фигура определенно была мне знакома. Когда в свете ламп появилось смазливое лицо с грушевидным носом, я убедилась окончательно, что передо мной – не кто иной, как мой стародавний знакомый и даже, можно сказать, друг, Гарик Папазян, капитан милиции Кировского отделения внутренних дел.

Гарик тоже заметил меня, и на лице его отразился спектр самых противоречивых чувств. Однако он быстро взял себя в руки и двинулся в мою сторону. За ним шла совершенно незнакомая девушка, что меня, правда, несколько не уди-

вило: я превосходно осведомлена о пылкой любви Гарики к женщинам. Ко всем женщинам на белом свете. Эта любовь не раз выплескивалась и на меня, и на какие только уловки мне ни приходилось идти, чтобы не переступить за грань нашей дружбы! Этот статус друзей-коллег меня устраивал самым лучшим образом, но почему-то он не устраивал Гарику, и он всякий раз стремился исправить это досадное упущение, активно пытаясь меня соблазнить. Это выражалось в бесконечных комплиментах в кавказском стиле типа «Таня-джан», «твоя кожа – спелый персик», «губки, как кизил» и тому подобном. А также в приглашениях – то в ресторан, то в круиз, а то и просто к себе домой. Незатейливо, так, и даже прямолинейно.

Сколько раз я самым бессовестным образом «обламывала» Гарику – не сосчитать! Точнее, это он считал мое поведение бессовестным, я же придерживалась иной точки зрения. Я же не раз давала понять Гарику, что он для меня просто друг, а все остальное – лишь игра, и он не мог этого не понимать. Но каждый раз, оскорбленный в своих лучших чувствах, он негодовал, дулся на меня, обвинял в том, что из-за меня у него потеряна вера в любовь вообще и в женщин, в частности. Но я знала, что это тоже всего лишь игра. Мои отказы совершенно не мешали Гарику заводить знакомства с другими барышнями и даже потом по-свойски делиться со мною историями своих успехов и провалов.

И сейчас я порадовалась, что Гарик со спутницей – зна-

чит, я избавлена от его «персиков» и приглашений! И вообще, я смогу побыстрее убраться отсюда, так как мое присутствие здесь Гарику сегодня не очень желательно. Но все вышло не так, как я предполагала.

– Привет, Таня-джан, – произнес Гарик, глядя на меня своими жгучими глазами цвета спелой сливы. – У тебя свободно?

– Конечно, свободно, Гарик. Точно так же, как и я сама свободна, – с улыбкой поприветствовала его я и бросила искоса взгляд на девушку, молча стоявшую позади него.

Лицо ее показалось мне бледным, и вообще, весь вид ее был не таким, каким он бывает у девушек во время свидания. Да и Папазян, как мне показалось, не выглядел, как обычно, когда он пудрит мозги девушкам: он не сиял, как медный таз, не распускал хвост и не скакал вокруг своей спутницы козликом, рассыпая комплименты направо и налево. Он молча отодвинул стул, помог девушке сесть и протянул ей меню. К моему удивлению, она заказала лишь воду с лимоном, и Гарик не стал ее уговаривать отведать что-то еще.

– Вот, девушки, познакомьтесь, – проговорил он. – Это Марина, а это Танюша, моя давняя знакомая, чудная женщина, просто совершенно уникальная! Я уж не говорю о том, что она – непревзойденная красавица, но при этом она еще и умница! Честное слово, я таких просто больше не встречал!

Я не верила своим ушам! Нет, не потому, что никогда не ожидала услышать от Гарика ничего подобного – все это я

слышала не один раз, – а потому, что Папазян говорил это в присутствии другой женщины! Станные, странные, я бы даже сказала, высокие отношения...

– Очень приятно, – тем не менее, выдавила я, отметив, что Марина достаточно равнодушно выслушала речь Папазяна. Она явно была в своих мыслях, где-то далеко.

– Мариночка, может быть, заказать вам минеральную воду? – проявил-таки галантность Гарик, но Марина вежливо отказалась.

– Понимаешь, Танюша, – продолжал заливаться Папазян, – мы с Мариной познакомились совсем недавно, буквально несколько минут назад, я просто оказал ей посильную помощь, она в этом очень сейчас нуждается, поскольку находится в положении...

«Вот как? – удивилась про себя я, бросив взгляд на совершенно не выступающий живот девушки. – Ну, все понятно! Гарик просто лопухнулся. Решил познакомиться с девушкой, не подозревая о ее «интересном» положении. А теперь не знает, куда бы ее сплавить. А мне он все выложил, чтобы оправдаться, хотя вести себя так со мной его никто не обязывал».

Мне даже стало смешно и интересно: что будет дальше? Папазян ерзал на стуле, смущенно покашливал и выразительно поглядывал на часы.

– Как успехи на профессиональном поприще, Гарик? – прихлебывая кофе, непринужденно полюбопытствовала я. –

Как раскрываемость, растет? А звезды на погонах? Не собираются размножаться?

Гарик ответил что-то односложное.

– Георгий Георгиевич у нас – капитан милиции, – пояснила я в ответ на вопросительный взгляд Марины.

– Да? – лицо девушки сразу же вытянулось. – Никогда бы не подумала...

– А что такое? – приосанился Гарик. – Почему вы не подумали бы?

– Потому что в последнее время я, к несчастью, имела возможность разочароваться в нашей доблестной милиции, – вздохнула Марина. – Я перестала верить в то, что там работают порядочные и добросовестные люди.

– Отчего же? – удивленно спросила я. – Могу вам сказать, что знакома со многими людьми в милицейской форме, и они – вовсе не подлецы и не лоботрясы.

– Вам, наверное, какой-нибудь гаишник штраф выпи-сал? – предположил Гарик, недолюбливавший, честно говоря, работников дорожной службы, частенько выписывавших ему штрафы за превышение скорости и другие провинности на дороге. Строго говоря, штрафы эти, в большинстве случаев, были справедливыми, однако Гарик категорически отказывался это признавать, всегда громко возмущался и пытался доказать, что он не виноват. Иногда ему это сходило с рук – все-таки, удостоверение капитана убойного отдела играло свою роль, – а иногда инспектор попадался ему из-

лишне непримиримый, принципиальный, и тогда негодованию Папазяна не было предела. Он грозил поставить на уши всю систему дорожных работников, упрекал их в бюрократизме и коррупции, пускал в ход давление на совесть... Одним словом, Гарик не любил гаишников, а те платили ему «взаимностью», и теперь он был рад возможности встретить родственную душу. Но разочарование поджидало Гарика и здесь.

– К гаишникам у меня претензий нет, – сообщила Марина. – У меня и машины-то нету. А вы тоже работаете в милиции? – неожиданно обратилась она ко мне.

– Нет, – ответил за меня Папазян. – Татьяна Александровна – моя, в некотором смысле, коллега. Частный детектив, лучший в городе, – выложил Гарик про меня всю подноготную.

– Правда? – в зеленых глазах Марины неожиданно зажегся живой интерес. Бледность сошла с ее лица, глаза заблестели, она уже дышала не так тяжело. – И... что же вы расследуете?

– А вам-то это почему интересно? – удивился Папазян.

– Дело в том, что проблемы, о которых я упомянула, касаются не только меня, но и моего мужа. И его, пожалуй, даже в первую очередь! Его подозревают в одном преступлении... – Проговорив это, девушка смахнула со щеки слезинку.

– Вот как? – нахмурился Гарик. – Ну что же, Татьяна, конечно же, вас выслушает...

Он даже приподнялся, явно собираясь нас покинуть, но я решительным жестом остановила его.

– Я понимаю, что вы не возьметесь за это просто так, – торопливо заговорила девушка, обращаясь уже лично ко мне, – но у меня есть некая сумма денег... Собственно, из-за нее-то все и началось, но теперь, скорее всего, ее уже не придется отдавать, и я могла бы потратить ее как раз на расследование.

– Я только хочу сразу предупредить, что если ваш муж действительно виновен, то я вряд ли смогу что-то для него сделать, – развела я руками.

– Нет-нет, что вы! – широко раскрыв глаза, принялась убеждать меня девушка. – Он тут вообще ни при чем! Я все-все расскажу, и вы сами поймете. Дело в том, что моего мужа арестовали! Точнее, задержали, но я все равно за него опасаюсь.

– И в чем его обвиняют? – спросила я.

– В убийстве!

– Кого?

– Одного нашего, так скажем, друга. Он из Германии должен был приехать – но не приехал. Мы все думали, что он просто пропал. А совсем недавно нашли его труп. И Максима после этого задержали!

– Какие имелись основания для этого? – спросила я, потихоньку начиная интересоваться.

– На мой взгляд, совсем никаких. Не считая того, что мы когда-то заняли у этого человека – его звали Лев – деньги.

– Подождите, – остановила ее я. – Но должны быть и другие улики? Например, присутствие вашего мужа на месте преступления, обнаружение у него орудия убийства, железные мотивы, угрозы с его стороны в адрес убитого и так далее...

– В том-то и дело, что ничего этого нет и не было! – горячо сказала Марина. – Я даже уверена, что Максима не стали бы задерживать, если бы тут не постарался Сева.

– Кто такой Сева? – уточнила я.

– Это тоже наш общий друг. Гайворонский его фамилия, он краеведческим музеем заведует. Он всем развонил, что мы должны Леве деньги и якобы только и мечтали, чтобы с ним что-нибудь случилось! А потом он и в милиции это рассказал. А они, милиция, в смысле, только спросили – правда ли, что мы деньги занимали? Ну, Максим сразу сказал – правда. И его, не разбираясь дальше, сразу и увезли... Я-то понимаю, что они за него просто ухватились, ведь там такое дело мутное, концы какие-либо трудно теперь найти. Ведь Леву убили еще в феврале, и вовсе не в Тарасове.

– А где же?

– Даже это сложно... Но, по всей видимости, по дороге из аэропорта. Потому что тело обнаружили в окрестностях Химок. Это как раз на полпути от Шереметьева до Москвы. И еще один факт... Дело в том, что примерно в то время, когда убили Льва, – а точную дату уже невозможно установить, но, скорее всего, это случилось восьмого февраля, сразу по-

сле его прилета из Германии, – мы с Максимом тоже были в Москве.

– Для чего вы туда ездили? Вы должны были с ним встретиться?

– Совсем нет! Хотя и знали, что он прилетает. У нас просто были там свои дела. А милиция не стала ни в чем разбираться, сразу взяли первого попавшегося, и все! Я просто уверена, что они хотят повесить на Максима это преступление, чтобы больше не возиться!

– Такого просто не может быть! – заверил ее Гарик. – Милиции всегда важнее всего истина!

В голосе Гарика зазвучали пафосные нотки, но, поймав мой скептический взгляд, он тут же понизил тон до обычного и спросил:

– Какое отделение занимается делом вашего мужа?

– Кировское, – ответила Марина.

Гарик трудился в Октябрьском. И лезть из кожи и предлагать ей свои услуги он не торопился. Я-то понимала почему: с замужней беременной девушки какие дивиденды мог получить сей искатель истины?

– Так, понятно, – протянула я. – Дело ваше примитивным не назовешь.

И посмотрела на календарь, на котором значилось девятнадцатое марта. Марина, испугавшись, что я не захочу ей помочь, посчитав это бесперспективным занятием, заговорила:

– Татьяна, я вас очень прошу, помогите хотя бы снять об-

винение с Максима!

— Это не так-то просто сделать, судя по тому, что я услышала, — заметила я. — К тому же, вы так и не сказали, для чего вы ездили в Москву в те дни. Но я согласна продолжить этот разговор.

— Хорошо, — серьезно кивнула девушка. — Собственно, и скрывать-то особо нечего, это, скорее, мое суеверие. Я все вам расскажу.

Гарик Папазян, все это время сидевший как на иголках, не выдержал:

— Ну, милые дамы, — преувеличенно бодро проговорил он, — я вижу, что вы великолепно нашли между собой общий язык! Так что я с чистой совестью могу вас покинуть, у меня на работе еще дел невпроворот. Мариночка, я обещал вас подвезти, но за меня это сделает Татьяна, у нее своя машина, а сама она — золотой души человек, просто золотой.

Скороговоркой выпалив все это, Гарик торопливо расплатился и быстро пошел к выходу, махнув нам на прощание рукой. Я буквально оторопела от подобной наглости! Мало того, что Папазян навязал мне свою знакомую с ее проблемами, которые я теперь должна была решать, так он еще вообразил, что я займусь частным извозом, причем, бесплатно!

«Ладно! — усмехнулась я про себя. — Услуга за услугу. погоди, Гарик, я тебе это припомню!»

Однако высказывать свои претензии Марине я не стала. Честно признаться, мне было жалко эту девушку. Во-пер-

вых, она производила впечатление порядочного человека, волею судьбы попавшего в тяжелые жизненные обстоятельства. Во-вторых, она, как-никак, была беременна, что вынуждало меня относиться к ней бережнее и снисходительнее, чем к какой-либо другой клиентке. И вообще, она вызывала у меня симпатию.

– Извините меня, – Марина прижала руки к груди, словно угадав мои мысли. – Я свалилась вам как снег на голову со своими проблемами! Но вы не переживайте, до дома я прекрасно доберусь сама. Теперь, когда я знаю, что могу довериться вам, у меня наступил такой прилив бодрости, что я готова и пешком дойти!

– Я думаю, не стоит идти на такие жертвы, – улыбнулась я. – И вообще, не думайте об этих пустяках, лучше расскажите все дальше и по порядку. Что это за деньги, и на какие цели вы занимали у убитого? Если не ошибаюсь, его звали Лев?

– У вас хорошая память, – сделала мне комплимент Марина. – Да, Лев Марков, он два года тому назад эмигрировал в Германию. Но собирался вернуться, потому что что-то ему там не понравилось.

– Когда он одолжил вам деньги и сколько?

– Это было год назад. Он переслал их нам из Германии через «Вестерн Юнион», знаете, есть такая компания?

– Да, конечно, – кивнула я.

– Там было пять тысяч марок. А деньги эти понадобились

нам для решения одной застарелой семейной проблемы...

* * *

Максим и Марина поженились три года тому назад. Они уже не были слишком юны: Марине было двадцать пять, Максиму – тридцать, но это не помешало им создать прочную дружную семью. У них были общие интересы, они хорошо подходили друг другу, к тому же, они друг друга любили. Одно было плохо – Марине никак не удавалось забеременеть. Врачи говорили, что это последствие хирургической операции, которую Марине пришлось перенести еще в далекой юности.

Однако Максим и Марина не хотели верить вердикту врачей. Они прошли через много больниц и клиник, Марина долго лечилась, но результатов все не было. Долгожданная беременность так и не наступала. В конце концов, Заботкины собрались в Москву, где, как они слышали, объявился некий врач, занимавшийся успешным излечением трудных случаев бесплодия.

Да, тот врач обнадежил их. Но для успешного и окончательного решения проблемы требовались деньги, которых у Максима с Мариной не было. И они решили их занять, поскольку нужно было спешить – как говорил врач, сейчас у Марины был наиболее перспективный и удачный возраст для рождения ребенка. Ждать еще несколько лет – это озна-

чало снижение ее шансов.

Именно поэтому Максим и обратился к своему приятелю, Леве Маркову, который в то время продал свою квартиру и собрался эмигрировать в Германию, подтвердив документально свое еврейское происхождение: правительство ФРГ усердно замаливало антисемитские грехи третьего рейха, утвердив программу переселения в свою страну евреев со всего мира.

Однако тогда Лев не пошел навстречу Максиму – деньги требовались ему самому на обустройство в чужой стране. Максим вернулся к этой просьбе через год, когда вопрос уже встал, что называется, ребром. Ко всему прочему, Максиму в скором времени пообещали выгодную работу по грантовым деньгам. И именно из этой суммы он мог бы погасить долг Льву. И Заботкин решительно набрал германский номер телефона своего приятеля.

– Макс, лапонька, вы же знаете, как я вас уважаю, – скороговоркой затрещал Марков. – Я понимаю ваши проблемы! Дела у меня идут, так, ничего себе, правда, труд не очень интеллектуальный. Если не считать того, что я ознакомился со всеми архитектурными достопримечательностями Кельна и знаю теперь почти наизусть все улицы этого замечательного города. И деньги я кое-какие, конечно, скопил. Но скажите мне, Максик, сколько вам нужно денег?.. Ой-ой-ой! Это же пять тысяч марок по здешним понятиям! Пять тысяч! Какие большие деньги! Нет, я понял, что это не на развлечения.

Конечно, я понял — и не для того, чтобы улучшить интерьер вашей квартиры. Хотя она и нуждается в этом уже лет пятнадцать, если я не ошибаюсь, последний ремонт там делали еще ваши бабушка с дедушкой, мир их праху! Хорошо, хорошо, я подумаю над этим...

Вот вы всегда говорили, что Лева плохой, Лева грубый, Лева невыносимый. А Лева теперь должен вам деньги давать... Нет, я согласен, Макс, сумма не очень большая. Мне целый месяц нужно за эти деньги сидеть за баранкой. Я понимаю, что вам-то за них нужно сидеть за переводами гораздо-таки больше. К тому же, испанский не очень актуальный сейчас язык... Я говорил вам в свое время, чтобы вы лучше изучили арабский! Или иврит. Вы же стопроцентно наш человек по внешности, и не думайте это отрицать! В Израиле вас примут с распростертыми объятиями, и даже документов не потребуют...

Но лучше всего сейчас фарси, дорогой мой! Фарси! Кстати, неплохая идея, могу продать всего за сто марок. С вашей способностью к языкам вы овладеете им за два месяца и можете спокойно поехать на Восток, «продаваться» американцам. Правда, к тому времени там все уже кончится, но это не страшно. Вы изучите сомалийский и поедете туда... Вот так всегда, когда я говорю дельные вещи, вы вспоминаете о том, что тратитесь на разговоры с бедным, никому не нужным старым евреем по телефону! Хорошо, хорошо, я понял, вы получите мои деньги в течение месяца. Да, кстати, я на-

деюсь, что ваши обещания вернуть мне долг не будут простым сотрясением воздуха, что вы не оставите бедного Леву наедине со своей больной мамой и с покрытыми мозолями руками от постоянного кручения руля старенького «Мерседеса», который здесь называется таксомотором. Понял, понял... Надеюсь, что грант вам выделит солидная организация, сознающая свою ответственность в полной мере?

Кстати, я собираюсь в Россию приехать, да, будущим летом. Тогда вы и отдадите мои деньги, я правильно вас понял? Ах, может быть, часть вернете и раньше? Отлично, отлично... А то моя мама тоже собирается делать очень важную операцию, и на это тоже нужны деньги. Здесь только деньги, везде сплошные деньги, все хотят денег! Ужасная страна, все пьют пиво и едят свинину! Ладно, ладно, заканчиваю, Макс, понимая ваше положение... Пропойте славу компании «Вестерн Юнион» – если бы ее не было, то вам-таки пришлось бы оплачивать мою поездку к вам в Россию, чтобы я смог передать вам эту крупную, очень крупную сумму денег! Передайте привет супруге, я всегда считал ее самой удачной для вас парой. Я надеюсь, что вашего первого мальчика вы назовете в мою честь!

На этом их разговор закончился, и Максим повернулся к Марине.

– Слава богу, – выдохнула та. – Теперь вся проблема в том, чтобы вернуть ему эти деньги!

– Сначала нужно оплатить этот телефонный разговор, –

вздохнул Максим. – Остановить его словесный поток было очень трудно.

– Ничего, ничего... Дело того стоило. Главное, чтобы из всего этого вышел толк, – заключила Марина.

* * *

– Толку, как я поняла, вы все же добились, – резюмировала я, выслушав историю Марины.

– Да, летом я должна родить, – ответила Заботкина. – Я не хотела вам говорить, потому что... Ну, в общем, мы так давно этого ждали! Особенно Максим, ведь ему уже за тридцать. Но теперь все будет в порядке.

– Поздравляю, – сказала я. – Но все же, скажите мне, пожалуйста, Марина, вы так и не нашли деньги, чтобы вернуть Маркову долг?

– Как раз наоборот! – поспешила ответить Заботкина. – Мы достали эти деньги, так что в этом отношении у нас уже не было мотива убивать Льва. Зачем, если проблема решена?

– А, простите, где вам удалось их раздобыть?

– Максим постарался. Он, правда, долгое время не хотел использовать этот вариант, но, когда вопрос встал так остро, он наплевал на все свои принципы и комплексы. Понимаете, у него есть один родственник, не очень близкий. Он работает где-то в нашей администрации. Правда, отношения у них несколько натянутые, и он никогда не горел желанием, что

называется, дружить с нами домами. Но ничего другого нам не оставалось. Одним словом, Максим с ним встретился, и тот одолжил ему эти деньги. С наших зарплат скопить такую сумму довольно сложно. Я работаю в университете, читаю курс современного русского языка. Муж у меня тоже филолог, правда, он иняз окончил. Так что, сами понимаете, уровень доходов в нашей семье не очень велик. И спасибо родственнику Максима, он нас здорово выручил. Деньги сейчас у нас, потому что мы так и не успели передать их Леве... И теперь скажите, зачем же нам нужно было его убивать? – девушка вопросительно посмотрела на меня.

– То есть, подождите, вы получили эти деньги еще до вашей поездки в Москву?

– Верно, – кивнула Марина.

– А ездили вы как раз в то время, когда там находился Марков?

– Дело в том, что мы были там в период с пятого по десятое февраля. Лев прилетел из Германии восьмого. В какой день конкретно его убили, сказать невозможно. Скорее всего, именно восьмого, но это еще не факт. И теперь вот что получается – мы ничего не знаем насчет собственного алиби, поскольку неизвестно, какой день стал для Льва роковым. Почти каждый день мы ездили в больницу к моему специалисту, потом просто гуляли по Москве... Ну, что еще? В магазины некоторые заходили, правда, почти ничего не покупали. Вот и все. Тут и сама постановка вопроса насчет алиби

просто неуместна! Поэтому я и не вижу оснований держать Максима за решеткой. А милиция, понимая, что дело почти безнадежное – убили Льва в Москве, неизвестно, когда, времени прошло достаточно, – просто узнала о нашем долге и поездке в Москву и связала эти два факта. Они уцепились за Максима, потому что других версий у них нет, вот и все! Вы не согласны со мной? – Марина вопросительно заглянула мне в глаза.

– Все, что вы говорите, вполне логично, – кивнула я. – Но во многом еще предстоит разобраться.

– Если вы хотите поговорить насчет оплаты за ваш труд, – потупила глаза девушка, – то я могу сказать, что готова пожертвовать этими деньгами. Теми, что достал Максим у своего родственника. Я не знаю, какой у вас тариф, но...

– Марина, – перебила ее я. – Я вовсе не об этом сейчас думаю. К тому же, эти деньги вам все равно нужно вернуть. Теперь уже – этому вашему родственнику.

– Да, это так, но он не ограничил нас в сроках, – возразила девушка.

– Ну, я еще пока ничего для вас не сделала. Свои расценки я вам, конечно, назову, а вы уж решайте, устроят вас такие условия или нет. Я же хочу вас успокоить и сказать, что со своей стороны постараюсь сделать все возможное, чтобы вашего мужа выпустили. Но, как вы сами понимаете, гарантировать я ничего не могу. Хотя, пока что провалов в моей практике не было, но, сами знаете, все когда-то случается в

первый раз.

– Я понимаю, – кивнула Марина.

– А вы, если хотите помочь своему мужу, расскажите мне сейчас вот о чем, – попросила я. – Опишите мне круг общения вашего Левы Маркова – до его отъезда в Германию. И еще меня интересует, не было ли у него недоброжелателей или должников вроде вас? А также – что вам известно о его делах в Германии?

– Я сразу же отвечу на ваш последний вопрос, – сказала Марина. – О его делах там нам почти ничего неизвестно, кроме того, что он получил квартиру, жил там вместе с мамой и работал таксистом. Об этом знали все. Кстати, лучше всех осведомлен об этом Сева Гайворонский, он переписывался со Львом. Вы, наверное, так и так собираетесь с ним встретиться?

– Непременно, – подтвердила я.

– Хорошо, теперь о компании Левы. Я начну с описания Севы. Он человек очень экстравагантный и непростой. Многим непонятно его поведение, манеры общения, часто наигранные. Так что будьте уверены: встретит он вас, скорее всего, напыщенно и высокомерно. Говорит он зачастую неестественным утробным голосом, пытается иронично острить, что ему плохо удастся, и постоянно твердит о том, какой Лева замечательный и как он его любит. Вернее, уже любил...

– Он что... – Я выразительно посмотрела на Марину.

– Нет-нет! – девушка прижала руки к груди и засмея-

лась. – Мы как раз с Максимом недавно шутили на эту тему. Нет, с сексуальной ориентацией у Всеволода все в порядке. У него не в порядке с женой и... простите, с головой.

– То есть?

– Ну, это его преувеличенное, театральное преклонение передлевой... Севино фиглярство уже порой достигает просто неприличного размаха. Но это еще ладно бы, в конце концов, мы сто лет его знаем и прекрасно понимаем, потому что давно к нему привыкли. Это как бы особый шуточный стиль общения в нашей компании. Но вот что меня встревожило не на шутку: Сева всерьез обвинил нас с Максимом в убийстве Льва!

– Может быть, он вновь пошутил? – предположила я.

– Как вам сказать, – задумалась девушка. – Сева уже так заигрался, что порой, мне кажется, он и сам не понимает, искренне ли он себя ведет или фальшивит. Но в тот раз... Мне показалось, что он рассудка лишился! Он обвинял и меня, и Максима, хотя давным-давно нас знает и всегда считался нашим другом! Кроме того, меня убеждает в его искренности то, что мы тогда серьезно поскандалили. У меня даже начались боли в животе, так я разволновалась. И Максим вытупил Севу из дома, так он нас достал своей бредятиной.

– После этого вы с ним встречались?

– Да, когда стало известно, что Леву убили. А в тот раз Сева всего лишь располагал информацией, что Лев просто пропал. Однако сам он был уверен, что с Марковым явно

произошло что-то ужасное.

– Почему, кстати?

– Не знаю. Он говорил, что чувствует это, потому что у него слевой – некая кармическая связь или еще какая-то эзотерическая чушь. Он помешан на мистике! А потом он начал нас обвинять.

– В убийстве, – уточнила я. – Хотя, об убийстве тогда еще известно не было?

– Ну, он напрямую об убийстве не говорил, – поправила меня Марина. – Твердил только, что мы желаем Лева зла, мечтали о том, чтобы Лева не вернулся, и приложили к этому все усилия... Словом, болтал он достаточно обтекаемо, но все равно, абсурдно.

– Так, пока я не забыла... Вы мне говорили, что у этого Гайворонского проблемы еще и с женой?

– Да, – вздохнула Марина. – Дело в том, что Сева, как он сам выражается о своей семейной жизни, находится во «внутренней эмиграции». Семьи у него практически нет – они с женой совершенно чужие люди. Их связывает только сын. И... Не хотелось бы кляузничать, но, похоже, что и жил-площадь. Если Сева разведется, он вынужден будет уехать обратно в родительскую квартиру, а это очень далеко, в Комсомольском поселке. Вы понимаете меня?

– Да, конечно, – ответила я.

Комсомольский поселок был самой удаленной от центра, окраиной частью города Тарасова. Чтобы добраться оттуда

до центра, приходилось потратить, в лучшем случае, полтора часа. А после восьми вечера уехать туда и вовсе было проблематично.

– Эти их проблемные отношения с чем связаны? Люди надоели друг другу?

– Нет. Как мне рассказывал Сева, так было всегда. С самого начала их семейной жизни. Просто, похоже, жена вышла за него замуж просто потому, что забеременела. Вот так обстоят дела.

– Прочие ваши друзья и знакомые что собой представляют?

– Компания эта сложилась достаточно давно, по своему составу она весьма разнородная, – ответила Марина. – Присутствуют там и удачливые люди, бизнесмены. Например, старый приятель Маркова, некто Юрий Звонарев. Потом, бывшая жена Маркова. После развода Лара по-прежнему общается по праздникам с Гайворонским и со всеми нами. Кстати, она снова собирается замуж.

– Вот как? И за кого?

– Да появился у нее один мужчина, Александром его зовут. После развода Лариса устроилась на работу в одну фирму. Там она и нашла себе жениха – директора в постель уложила, – объяснила Марина. – Правда, он довольно приятный мужчина, у меня он вызывает даже сочувствие, поскольку Лара для него – не совсем достойный вариант. Я не хочу сплетничать о ней, одним словом, увидите ее – сразу все са-

ми поймете. Весьма расчетливая, стервозная фифочка. Материально, кстати, они живут хорошо, у Александра сейчас новая фирма, с каким-то перспективным проектом... Но я что-то заболталась и отвлеклась немного. Есть в нашей компании и комические персонажи.

– Гайворонский? – спросила я.

– Нет. Севу, кстати, все уважают. Несмотря на всю свою экстравагантность, он человек очень умный и увлеченный своей работой. Он, скорее, трагический персонаж. Я имела в виду капитана Дмитрия Тугова, работника военкомата. Он полностью оправдывает свою фамилию.

– Он тоже друг Маркова?

– Скорее, Звонарева. Просто он примазался к нашей компании. Ему с нами интересно. Есть еще Тоня Саврасова, но она – серая мышка. Опять же, на мой взгляд. У меня вообще не очень хорошие отношения с женщинами.

– Почему? – улыбнулась я.

Марина, посмотрев на нее, тоже улыбнулась в ответ.

– Я, честно говоря, имела в виду только нашу бывшую компанию, – пояснила она. – Потому что они... Ну, сами не очень хорошо ко мне относятся.

– Это почему же? – спросила я.

– Ну, не потому, что я такая уж плохая. Просто я, на их взгляд, самая счастливая. У нас с Максимом – самая благополучная семья. Хотя, в финансовом отношении мы с ними и сравниться не можем, мы-то бедные. Я имею в виду пси-

хологическую обстановку в доме. С беременностью, правда, проблемы были, но и теперь они решились. Во всяком случае, мы друг друга любим, живем вместе, разводиться не собираемся и даже практически не ссоримся. Другие женщины в нашей компании такими отношениями похвастаться не могут.

Та же Тоня Саврасова, к примеру. Она давно развелась с мужем, одна воспитывает ребенка и страстно мечтает выйти замуж. Кстати, я ее прекрасно понимаю и не осуждаю за это. Но зачем же меня осуждать за то, что у меня все нормально? У каждого есть свои проблемы, они не знают, сколько я наплакалась из-за того, что у нас детей нет! Или Лариса Лиманская, бывшая жена Льва. Они постоянно жили как кошка с собакой и в конце концов развелись. Ей не досталось ничего, и она не может этого простить Леве. Поэтому она в душе бесится. И переносит это чувство на всех своих приятелей. Ту же Тонию Саврасову она сколько раз унижала! Правда, как я говорила, Лара скоро выходит замуж, но с ее вздорным и меркантильным характером она вряд ли найдет свое счастье.

Ну, о Севе и его супруге я вам уже рассказала... Так что сами видите – им трудно искренне любить меня, видя, что у меня удачно сложилась семейная жизнь. Собственно, мне это безразлично, потому что это, в сущности, уже не наша компания. Нам всегда было с ними откровенно скучно, а я вообще считала их всех старомодными и консервативными. Может быть, потому, что я младше всех. В общем, мы с Мак-

симом давно уже разочаровались в этих людях. Уж простите меня, не хочу выставить себя лучше, чем я есть, но я все рассказала искренне.

Марина перевела дух, и я понимающе кивнула ей:

– Ясно, с этим я уже, кажется, разобралась.

– Ой, да, кстати, сегодня какое число? – спохватилась Заботкина.

– Девятнадцатое, – ответила я.

– Так сегодня же все собираются у Гайворонского дома! Дело в том, что с момента официальной смерти Льва – кстати, его три дня тому назад похоронили, – прошло ровно сорок дней! Я совсем забыла...

– Марина, нельзя ли мне вместе с вами туда пойти? – спросила я. – Меня заинтересовало ваше дело. Люблю такие случаи, где есть над чем подумать. А у вас, похоже, именно такой вариант.

– Наверное, пойти-то можно, – несколько неуверенно ответила Марина, а я отметила, что девушка явно повеселела, услышав о моем решении заняться делом об убийстве Маркова. – Дело в том, что и меня-то там, наверное, встретят косями взглядами. Все же в курсе, что Максима арестовали, и знают, почему. Хотя Сева, узнав о том, что вы расследуете это дело, примется всячески вам содействовать. Потому что он сам скептически относится к милиции, а поймать за руку убийцу Левы для него – дело чести! Может быть даже, он, увидев, что это я вас привела, не станет на протяжении всего

вечера произносить в мой адрес обличительные речи.

– В таком случае нам, видимо, пора, – я посмотрела на часы, они показывали начало двенадцатого. – Когда там все соберутся?

– Скорее всего, в двенадцать. Для поминок это обычно самое подходящее время.

Я тут же встала из-за столика, Марина последовала моему примеру. А через несколько минут мы с ней на моей «девятке» ехали в район Нового моста, где в трехкомнатной квартире своей жены проживал директор краеведческого музея Всеволод Гайворонский.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

– А я говорю, что это мафия! – грохнул кулаком по столу капитан Тугов, высокий кудрявый блондин с внешностью благородного офицера Белой Гвардии. – Знали потому что, сколько он везет бабок и зачем. Н-да, Левку жалко... Надо же, а!

– Леву жалко, – скорбно вторил ему хозяин дома, где собралась компания людей, желавших почтить память своего товарища, Льва Маркова.

– Давайте помянем Леву, – тихо сказала женщина бальзаковского возраста, с длинноватым носом, одетая в строгий брючный костюм черного цвета. – Пусть земля ему будет пухом...

Как я уже успела узнать от Марины Заботкиной, это была Антонина Саврасова. Одинокая женщина, старше тридцати лет, она пребывала в поиске надежного и основательно-го жизненного партнера. По словам Марины, самой удачной кандидатурой для этого она представляла себе почившего в бозе Льва Маркова. Однако сам покойный вовсе не разделял ее точку зрения. И даже не потому, что Антонина была не бог весть какой красавицей и ума палаты у нее тоже не наблюдалось. Дело было в другом – согласно всем религиозно-национальным нормам, требовалось, чтобы уже несуществующий в анкетах «пятый пункт» у избранницы был в порядке.

А у Антонины не было даже и этого.

Выпили, не чокаясь, и Гайворонский вновь с траурным видом склонил голову. Он протяжно вздохнул. В глазах его отражалась вселенская скорбь.

Он встретил нас с Мариной в первый момент не очень-то приветливо, но войти позволил.

– Сева, я прошу тебя перестать на меня дуться без всякой на то причины и спокойно все выслушать, – заговорила Марина в прихожей.

– Слушаю вас, девушка, – как-то снисходительно кивнул головой хозяин дома.

– Во-первых, помянуть Леву – это мой долг, – твердо сказала Заботкина. – А во-вторых, я привела человека, который может помочь нам пролить свет на обстоятельства смерти Льва! Она – частный детектив. Так что ты лучше откинь свои мнимые обиды на меня и поговори с ней.

При этих словах брови Гайворонского радостно и изумленно поднялись.

– Прошу вас! – с интересом глядя на меня, потянулся он ко мне, чтобы помочь мне снять пальто и повесить его на вешалку. После этого он проделал то же самое с одеждой Марины. – Меня зовут Всеволод.

– Татьяна, – протянула я ему руку.

– Марина уже сказала вам, по какому поводу мы все здесь собрались? – снова помрачнел Гайворонский.

– Да, она уже многое успела мне рассказать, – подтверди-

ла я, – во всяком случае, обрисовала ситуацию. И я предлагаю – поговорим немного позже, а пока все-таки надо отдать последний долг вашему товарищу.

– Проходите. – Всеволод широко повел рукой в сторону гостиной.

Он не сказал никому из присутствующих, с какой целью я посетила поминки, только назвал друзьям мое имя.

Постепенно я рассмотрела всех участников траурного мероприятия. Рядом с Гайворонским сидела высокая светловолосая женщина в очках, явно достаточно равнодушно относившаяся к происходящему. Уже пятнадцать минут я присутствовала за столом, но за это время Маргарита – именно так звали хозяйку – не произнесла ни одного слова. В основном общее внимание привлекли к себе Гайворонский, Тугов и бывшая жена Маркова – Лариса Лиманская. Это была элегантная женщина чуть старше тридцати, темная шатенка. Стрижка – фирменное каре, одета она была очень модно и для поминок даже вызывающе. Чего стоили одни только ярко-красные кожаные шортики, очень плотно облегавшие ее аппетитную для мужских взглядов попку! Лариса постоянно пыталась привнести в собрание некий элемент веселья. Она даже шутила. Было совершенно очевидно, что смерть бывшего супруга ее нисколько не огорчает.

– Сева, птичка, подай мне, пожалуйста, хлебчика, – прошептала она с улыбкой опытной соблазнительницы. – Спасибо, Сева, ты умничка! – Потом она взглянула на часы и

изобразила на своем лице гневную гримаску: – Ой, боже мой, ну куда же он подевался!

– Это ты о чем? – спросила ее Антонина Саврасова, сидевшая рядом.

– Дело в том, что Александр, – имя это Лиманская произнесла с французским прононсом, – обещал быть уже полчаса назад. Удивительное нон-пунктуалитэ!

– Не стоит сгущать краски, Саша – серьезный человек, – успокоил ее Гайворонский. – Наверняка он задержался по делам. Скоро будет.

– Был бы только толк от этих дел! – презрительно оттопырила Лариса нижнюю губку.

Самой мрачной за этим поминальным столом выглядела пара среднего возраста. Почти абсолютно лысый мужчина в сопровождении круглолицей женщины с крашеными белыми волосами. Как объяснила мне Марина, это были Юрий Звонарев и его жена Наташа. Звонарев не высказал ни одной более или менее внятной мысли. Его участие в разговоре сводилось к поддакиваниям и к сожалениям о том, что Левки больше нет, и это очень грустно.

Жена же его постоянно посматривала на часы и, скорее всего, никак не могла дождаться, когда все это закончится. Кроме того, при взгляде на ее фигуру можно было сделать вывод, что ей противопоказан жирный борщ и гуляш с картошкой, а также кух и что только компот из сухофруктов, сваренный без сахара, способен не слишком увеличить ее и

без того пышные формы.

Зато всю разглагольствовал подвыпивший Тугов:

– Севк, да брось ты! Макс не убивал. Никто из нас не убивал. Неужели я поеду убивать Левку? Или, вон, Юрка, может быть, пойдет? Он с ним вообще в войну в детстве играл! Ты что! Белены объелся, что ли? Ты еще скажи, что они вместе с Мариной его грохнули!

При этих словах Заботкина нервно дернулась и украдкой взглянула на Гайворонского. По его виду нельзя было понять, согласен он с Туговым или нет. Он исподлобья взглянул на Лиманскую, занимавшуюся изучением своего маникюра.

– Ой, ну одна халтура везде! – вздохнула она. – Представляешь, в новом салоне маникюр сделала – и к вечеру он уже весь облупился! А ведь я хотела хорошо выглядеть на празднике!

После этой ее фразы в комнате повисла напряженная тишина. Лиманская, которая все никак не могла сообразить, что она такое ляпнула, только хлопала недоуменно ресницами и обводила взглядом присутствующих.

– Да вы что? – глупо спросила она.

В это время раздался звонок. Дверь пошла открывать Маргарита. Через полминуты в комнату зашел довольно молодой, высокий, слегка полноватый, но симпатичный русоволосый господин в очках. По очереди он быстро поздоровался с мужчинами и кивнул женщинам. Потом он сел ря-

дом с Лиманской, до которой к этому моменту уже дошла допущенная ею досадная оплошность, и теперь она громко заговорила:

– Да я совсем не то хотела сказать! Я оговорилась просто! Я имела в виду, что все-таки здесь люди соберутся, повод серьезный...

– Так, повод действительно серьезный, – остановил ее только что пришедший мужчина. – Поэтому давайте просто помянем...

И он одним махом опрокинул рюмку водки.

– Ну, и где ты так долго был? – вызывающе обратилась к нему Лариса. – Я, вообще-то, волнуюсь, если что!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.